

Сообщение представителя СССР в Чехословакии В. А. Антонова-Овсеенко о беседе с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем*

Прага

8 апреля 1925 г.

7-го я отправился к Бенешу. В его приемной я встретил секретаря польского посольства, сообщившего мне, что договор с ЧСР уже проработан до конца и готов к подписи, которая последует, должно быть, до пасхи¹. На мой вопрос, не помешала ли договору неразрешенность вопроса об аграрных пошлинах, ответил: «Нет. Г-н Дворжачек** уехал с вполне окончательными и согласованными формулировками».

Бенеш был необычно суховат. Я начал с указания, что являюсь, исполняя официальное поручение своего правительства, которое считает заключение со стороны ЧСР договора с Польшей о транзите через ЧСР оружия во время войны Польши с третьей державой идущим вразрез с обязательствами, принятыми ЧСР по договору с нами, с обязательствами соблюдать нейтралитет².

Бенеш заявил твердым тоном: «Заключение такого договора не есть нарушение нейтралитета. Я стремлюсь на основании Барселонской конвенции³ разрешить вопросы транзита полностью, дабы не осталось никаких сомнений, и положение было вполне ясным. Вопрос о транзите оружия имеет значение не только для Польши, но и для нас, для Австрии, для всех стран Средней Европы. Решение его в нашем духе подсказано географией стран. Это решение не враждебно вам, ибо оно распространяется и на вас».

На мое возражение, что, согласно международному праву, состояние нейтралитета исключает провоз военных материалов, Бенеш живо возразил: «Со времени мировой войны установлено иное. Соединенные Штаты, будучи в нейтралитете, продавали оружие воюющим».

Я отвечал: «Понятие нейтралитета отчетливо установлено международным правом до войны. Гаагские конференции — 1899 г. и созванная по почину царя-«миротворца» Николая II в 1907 г.⁴ — достаточно ясны в этом пункте. Если исходить из практики мировой войны, то Германия отношением к нейтральной Бельгии создала еще более разительный прецедент. Но Германия, топившая суда нейтральной Америки за провоз оружия Антанте, была побеждена. Америка победила, и введенное ею в практику новое понятие нейтралитета вы стремитесь закрепить. Что же, давно сказано: право создается только силой. Ваша личная концепция, г. министр, до сих пор была иной. Я был бы готов приветствовать сдачу Вами идеалистических позиций, если бы это не отражалось на судьбе нашего договора с ЧСР. Что же касается Барселонской конвенции 1921 г., то она оставила совершенно открытым вопрос о военном транзите».

Бенеш вновь и с напором стал доказывать, что пункт о транзите не враждебен нам, что и мы можем его использовать для себя, получая оружие через Германию, и т. д. «Относительно международного права, так в нем вопрос о нейтралитете не ясен. Под конвенциями нашей подписи нет. Другое дело, — подчеркнул он, — если бы мы обязались снабжать продуктами своего военного производства воюющую с вами страну. Но этому не бывать». (Это свое заявление он повторил еще пару

* Из письма в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 8 апреля 1925 г.

** Заведующий отделом национальной экономики Министерства иностранных дел Чехословакии.

раз.) И опять, как и у Гирсы, ссылки на Лигу Наций. На мой вопрос, какова же точная формулировка пункта о транзите, он не дал прямого ответа, сообщил лишь, что в нем есть ссылка на следование установлениям Лиги Наций (из других источников узнал, что это не так).

Я повторил высказанные уже Гирсе соображения⁵, что ссылка на Лигу Наций вполне устраивает Польшу, а обязательство транзита подкрепляет Польшу в ее агрессивной политике. На деле подписание подобного договора с Польшей будет способствовать не закреплению мира, а обострению международных трений, ибо Польша — фермент постоянных брожений и клубок всяких запутанных международных узлов.

«Вступайте в Лигу Наций», — полушутливо прервал меня Бенеш.

«Этим хотите побудить нас к вступлению? — шутливо парировал я. — Ну, мы еще подождем. А пока этот ваш шаг представляется мне характерным показателем переориентировки вашей политики. В начале декабря прошлого года вы заявляли нам, что считаете необходимым договориться с нами раньше, чем с Польшей. Теперь вы накануне подписания недружественного нам договора с Польшей, а договор с нами отодвинул на неопределенное время».

Бенеш: «Наша политика осталась неизменной. Но не можем же мы ждать без конца с урегулированием вопросов с Польшей, раз с вами дело не идет». И, переходя к тому, почему с нами «дело не идет», говорит, что теперь он имеет за себя (за «признание») только две партии, [так как] аграрии устами сенатора Юрачека и клерикалы через депутата Мысливца⁶ высказались в парламентских комиссиях против признания, а Крамарж непоколебим.

Я выразил сомнение насчет искренности клерикалов и намерений аграриев. «Годжа⁷ заигрывает с нами и дает понять, что он скорее г. министра Бенеша провел бы это дело». (Бенеш смеется). А Крамарж не пойдет на разрыв коалиции, ибо на него давят промышленники, заинтересованные в торговле с нами.

«Они у меня были, — говорит Бенеш, — я их отослал к Крамаржу. А почему бы вам не воздействовать на них угрозой прекратить с ними дела?»

«Воздействуем; если уж г. Бехер, национал-демократ, промышленник, полемизирует в «Трибуне» со своим лидером, и национал-демократы, промышленники, в день банкета Крамаржа приходят на наш банкет, то это свидетельствует о непрочности оппозиции национал-демократов. Словом, препятствия к проведению признания не усилились, а ослабли».

«Нет, — отвечает Бенеш, — поставить этот вопрос, значит, расколоть коалицию. Я не пойду на это».

Подводим итоги. Бенеш повторяет высказанное им, заверяет о своем «сожалении», что «не понят» нами, ссылается вновь на Лигу Наций и т. д.

Я спрашиваю: «А не смогли бы вы в договор включить оговорку, что он не нарушает обязательств, принятых правительством ЧСР в ранее им подписанных договорах?»

Бенеш: «Я бы охотно сделал такое заявление. Но в договор его нельзя внести. Он уже готов к подписи. Что-либо изменять в нем нельзя, неудобно. Но я при случае готов сделать такое заявление, если оно желательно вашему правительству».

Я настаиваю на включении этой оговорки в договор, но Бенеш стоит на своем.

При прощании прошу его обратить серьезное внимание на мои заявления Гирсе по поводу проводимых в отношении нашей миссии систематических провокаций.

«Я заявил мин[истру] внутр[енних] дел,— отвечает Бенеш,— что предпочитаю вовсе не иметь с вами отношений, чем иметь такие, какие создаются его заботливостью. А этот процесс — это глупости».

«Но не глупости,— возражаю я,— определение суда по поводу журналиста Дмитриева⁸, осужденного за соби́рание сведений, «которые, хотя и не носят секретного характера, но могут быть использованы во вред ЧСР враждебной ей державой». Во-первых, разве мы враждебная вам страна? Во-вторых, можно всякого журналиста на основании такой широкой формулировки обвинить в военном шпионаже».

Бенеш записывает в книжке что-то и заявляет, что он этого так не оставит. «Они там глупы в полиции. Но ведь все полиции глупы»,— заключает он.

«Есть предел для всякой глупости»,— заканчиваю я.

Бенеш ни словом не коснулся наших предложений, срок для принятия которых к началу апреля как раз истек⁹.

Указание его, что договор с Польшей вполне закончен, противоречит заявлению Гирсы, сделанному мне почти накануне, и сообщению Буттера¹⁰ (помощника Гаека)¹¹, услышанному мною вечером 7 же апреля.

В общем создается впечатление, что внешняя политика ЧСР переориентируется и что «установление нормальных дипсношений» с нами отодвигается в неопределенную даль. Переориентировка произошла за последний месяц.

Мое мнение:

1. Англия под незримым воздействием Соединенных Штатов выдвинула через Германию предложение об известном «гарантийном пакте»¹², создающем соглашение крупнейших европейских держав (считая и Италию), хотя бы и ценою пересмотра в пользу Германии Версальского договора в отношении восточных границ Германии. Франция готова пойти на этот пакт, гарантирующий лишь устойчивость поверсальских западных границ Германии. Польша и Чехословакия потерпели в Париже поражение. Это сближает Бенеша с Сксиньским¹³.

2. Второй момент — Малая Антанта и балканские дела. Англия фабрикует блок [из] Греции, Румынии и Югославии. Войдет ли Греция в М. Антанту или нет (этот вопрос будет решаться на ближайшей конференции М. Антанты и решится скорее всего отрицательно), но вес нового тройственного союза на Балканах скажется на политике М. Антанты усилением ее балканской (руководимой Англией) ориентировки. Не ищет ли Бенеш в более тесном сближении с Польшей противовеса этому уклону?

3. Разговоры, которые полтора — два месяца тому назад Бенеш вел с нами, не были особенно серьезны. Это, как я тогда же указывал, был лишь зондаж. Бенеш хотел знать, что его ожидает с нашей стороны, если он решится взяться за проведение «признания». Бенеш, очевидно, ориентированный в Женеве и Париже, ныне учитывает затяжной характер наших разговоров с Францией и Англией и могущую вытечь из демаршей Германии (о вступлении) в Лигу Наций («гарантийный пакт») нашу изолированность.

О возвращении «России» к «активной европейской политике» он думает как об очень отдаленной перспективе, а пока «довлеет дневи злоба его», и надо разрешить ближайшие вопросы, в их числе урегулировать отношения с Польшей.

4. Эти моменты воздействуют и на отношение к нам различных партий ЧСР, но главным для них является нежелание обострять внутрен-

ную борьбу в коалиции до выборов и поэтому — стремление притуплять все острые вопросы. Но не сомневаюсь, что Бенеш и теперь смог бы, если бы захотел. «идти до конца», провести «признание», но этого он не хочет, главным образом по соображениям, указанным выше. Иерешительность Бенеша перед Крамаржем, впрочем, конечно, усиливает позицию последнего и склоняет к Крамаржу, как кажущемуся сильнейшим, кое-кого из аграриев и клерикалов.

К этому прибавляется борьба групп и личных влияний: Стршибрный¹⁴ (заместитель председателя кабинета Швеглы) и Годжа (аграрий) интригуют против Бенеша и готовы сорвать всякое его начинание, обещающее Бенешу успех и усиление личного престижа.

Антонов-Овсенко

Публикуется по сб.: «Документы внешней политики СССР», т. VIII. М., 1963, с. 218—222.

- ¹ 23 апреля 1925 г. в Варшаве был подписан комплекс договоров между ЧСР и Польшей. Ликвидационный договор разрешал вопросы финансовые, юридические и национальных меньшинств, которые возникли в ходе реализации решения Конференции послов 1920 г. по поводу чехословацко-польских пограничных споров. Арбитражный договор обязывал обе стороны решать будущие споры мирным путем. Был подписан также торговый договор, содержащий оговорку о транзите военного снаряжения. Министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш одновременно заявил, что в случае возникновения военного положения или политической напряженности Чехословакия по отношению к Польше будет действовать точно так же, как по отношению к своим партнерам по Малой Антанте. Чехословацко-польские договоры от 23 апреля 1925 г. явились реакцией на подготовку Рейнского пакта, однако их острота, особенно в вопросе транзита военного снаряжения, было одновременно направлено против СССР.
- ² См. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. I, с. 507—511.
- ³ Имеется в виду конвенция о транзите, принятая на международной конференции в Барселоне в 1921 г. СССР в этой конвенции участия не принимал.
- ⁴ Гаагские конференции 1899 и 1907 гг., в первой из которых принимало участие 26, а во второй 44 государства, выработали конвенции, формулирующие принципы и нормы современного международного права, относящиеся к войне. Две из этих конвенций касались прав и обязанностей нейтральных держав и лиц. Соблюдение этих, признанных большинством государств принципов было обязательно с точки зрения действующего международного права.
- ⁵ Во время беседы с заместителем министра иностранных дел Чехословакии В. Гирсой 3 апреля 1925 г. В. А. Антонов-Овсенко заявил от имени Советского правительства протест по поводу включения правительством Чехословакии в подготовленный текст договора с Польшей специальной статьи о транзите через Чехословакию в Польшу оружия и военных материалов и отметил, что этот недружественный поворот политики Чехословакии по отношению к СССР вызывает тем большее удивление, что в декабре 1924 г. Э. Бенеш заявил о своей заинтересованности в заключении договора с СССР до окончания переговоров с Польшей; однако с тех пор Чехословакия изменила свое отношение к этому вопросу.
- ⁶ Речь депутата Национального собрания от народной партии Мысливца была произнесена 2 апреля 1925 г. на заседании Комитета по иностранным делам палаты депутатов (AFNS, Praha, Zahraniční výbor, I. krab. č. 122, č. 34. s. 47). Утверждение о высказывании сенатора Юрачека, очевидно, ошибочно, так как в это время в сенате не было ни одного представителя аграриев с такой фамилией.
- ⁷ Годжа М. (1878—1944) — чехословацкий политический и государственный деятель, один из лидеров аграриев. В 1918—1938 гг. — депутат Национального собрания. В 1919—1920 гг., 1922—1926 гг., 1926—1929 гг., 1932—1935 гг. — министр. В 1935—1938 гг. — премьер-министр. В 1938 г. эмигрировал в США.
- ⁸ А. И. Дмитриев — журналист, сотрудник советского представительства в Праге, был арестован чехословацкой полицией 26 июня 1926 г. Несмотря на то, что «вина» Дмитриева не была доказана, он был выслан из ЧСР.
- ⁹ См. док. 114.

¹⁰ Буттер О.— сотрудник пресс-службы Министерства иностранных дел Чехословакии.

¹¹ Гаек Я.— журналист, руководитель пресс-службы Министерства иностранных дел Чехословакии.

¹² После подписания Рапалльского договора в 1922 г. западные державы, и прежде всего США и Англия, не отказались от мысли помешать дальнейшему развитию сотрудничества между Германией и Советским Союзом. Более того, они надеялись привлечь Германию к участию в создаваемом едином фронте капиталистических держав против СССР.

Английское правительство поставило вопрос о заключении пакта безопасности с участием Англии, Бельгии, Франции и Германии, надеясь использовать этот пакт как орудие в борьбе против СССР. 20 января 1925 г. германское правительство заявило о своей готовности заключить пакт, который предусматривал бы гарантию территориального статус-кво на Рейне, однако обходило вопрос о гарантии границ Германии с ее восточными соседями — Польшей и Чехословакией.

Франция на первом этапе переговоров настаивала на гарантиях границ Польши и Чехословакии с Германией посредством заключения между этими странами арбитражных договоров и предложила связать эти договоры с гарантийным Рейнским пактом в одно целое. Но германское правительство не только отказалось обсуждать вопрос об объединении гарантийного пакта с арбитражными соглашениями, как того требовала Франция, но и заявило открыто в ноте от 20 июня 1925 г., что будет добиваться пересмотра восточных границ Германии мирным путем. (См.: «Локарнская конференция, 1925 г.». Документы. М., 1959, с. 115—119, 123—128). Франция под давлением Англии, категорически отказавшейся гарантировать польско-германскую и чехословацко-германскую границы, пошла на соглашение с Германией. Хотя США формально в заключении этого пакта и не участвовали, тем не менее они ясно и неоднократно заявляли, что одобряют его.

Единственным абсолютно обязательным условием заключения гарантийного пакта как Англии, так и Франция считали вступление Германии в Лигу Наций, расценивая это как ее присоединение к лагерю держав Антанты, которые использовали Лигу Наций в качестве своего послушного орудия в борьбе против Советского Союза. Они также пытались заручиться твердыми обязательствами германского правительства о том, что и Германия примет участие в войне против СССР. Не возражая в принципе против участия Германии в санкциях Лиги, германское правительство, однако, желая сохранить для себя свободу политического и экономического маневрирования, добилося официального письма от имени постоянных членов Совета Лиги Наций, в котором говорилось, что Германия будет обязана участвовать в коллективных санкциях Лиги в той мере, в какой это сообразуется с ее «военным положением и с учетом ее географического положения». В результате работы Локарнской конференции 16 октября 1925 г. представителями Германии, Бельгии, Великобритании, Франции, Италии, Польши и Чехословакии был парафирован ряд договоров (см.: «Локарнская конференция», с. 482—497), которые окончательно были подписаны в Лондоне 1 декабря 1925 г.

Для Советского правительства было ясно, что Локарнские соглашения и вступление Германии в Лигу Наций отрицательно скажутся на дальнейшем развитии советско-германских отношений. Основные вопросы советско-германских отношений в связи с заключением Германией гарантийного пакта и ее вступлением в Лигу Наций были поставлены в советском меморандуме от 2 июня 1925 г. (см.: «Документы внешней политики СССР», т. VIII, М., 1963, с. 350—355).

В результате проявленной советской стороной настойчивости германское правительство 12 октября 1925 г. подписало с СССР торговый договор (см.: «Документы внешней политики СССР», т. VIII, М., 1963, с. 582—617), переговоры о котором германская сторона крайне затягивала, консульскую конвенцию и конвенцию о правовой помощи в гражданских делах. Подписание торгового договора имело не только экономическое, но и политическое значение. Заключенный в самый разгар Локарнских переговоров, он являлся несомненным успехом советской дипломатии, ибо им наносился первый удар по политике Локарно, направленной на изоляцию СССР.

Советско-германские переговоры о заключении политического соглашения были продолжены в начале 1926 г. и закончились 24 апреля 1926 г. подписанием в Берлине договора о ненападении и нейтралитете, что имело исключительно важное значение с точки зрения дальнейшего ослабления антисоветской направленности Локарнских соглашений.

¹³ Скушинский А. (1882—1931) — польский дипломат. В 1925—1926 гг. — министр иностранных дел и премьер-министр.

¹⁴ Стршибный И. (1880—1955) — чехословацкий политический деятель, лидер национально-социалистической партии. С 1926 г. — один из руководителей фашистского движения в ЧСР.